

УДК: 343.9

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Игнатов А. Н., Хун А. З.

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;
Краснодарский университет МВД России*

В статье на основании системного и сферного подходов, концепции антропологического кризиса исследованы социальные факторы детерминации насильственной преступности с учетом современного состояния таких сфер (подсистем) общества, как: 1) политическая (сфера государственного и общественного управления); 2) социально-экономическая (экономическая, т.е. материально-производственная сфера и социальные общности, группы и институты); 3) духовная (идеология, религия, образование и воспитание, наука, искусство). Выявлены наиболее криминогенно значимые проблемы и дефекты политической, социально-экономической и духовной сфер жизнедеятельности современного общества, переживающего кризисный, транзитивный этап развития и их роль в детерминации насильственной преступности. Установлено, что социально-экономические факторы порождают наиболее тяжелые формы социальных девиаций, влияют на маргинализацию населения, критически влияют на уровень социальной напряженности в обществе; дефекты духовной сферы общества, обусловленные процветанием культов потребления, насилия и жестокости на фоне слабой государственной идеологии, обуславливают процессы трансформации ценностного сознания, следствием чего являются кризис института семьи, развитие технологий манипуляции сознанием, конституирующих насильственное поведение человека; дефекты политической сферы (правовой нигилизм, протекционизм, коррупция и пр.) порождают кризисные явления и катализируют влияние отрицательных факторов в социально-экономической и духовной сферах.

Ключевые слова: насилие, насильственная преступность, детерминация, система, общество, транзитивный период, социальные факторы, политика, экономика, духовная сфера.

Исследуя проблему преступного насилия в социальном измерении, необходимо исходить из системности общественной жизни (О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. О. Сорокин и др.). Соответственно системному подходу общество является сложной системой взаимосвязанных элементов. «Общество, – как отмечает А.А. Давыдов, – это определенный тип системы, которая состоит из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе механизма обратной связи, целью которой является реализация экстремальных принципов в жизнедеятельности индивидов с помощью законов, действующих в определенных границах» [1, с. 14]. Без учета внешних связей с природой общество существовать не может. Общество – это форма организации жизни людей. Человек, как и любая живая система, как известно, «строится» на основе вещества, энергии и информации. Соответственно, и связь общества с природой осуществляется через три основных канала – обмен веществом, обмен информацией и обмен энергией. Несомненно, это деление условное. Однако оно позволяет четко выделить три подсистемы общества: экономическую, политическую и духовную. Характер развития общества определяется принципами соотношения, взаимовлияния этих трех подсистем.

При исследовании социальных факторов детерминации насильственной преступности методологически верным, на наш взгляд, является обращение, наряду с системным подходом и другим методологическим инструментарием [2, с. 129-133], к обычной в современной философской антропологии концепции антропологического кризиса [3, с. 133-141; 4, с. 277-282; 5]. Основными признаками антропологического кризиса называются такие явления, как: 1) трансформация ценностного сознания, которое затронуло социальную, политическую, научную и культурную сферы; 2) развитие технологий манипуляции сознанием; 3) изменчивость идентичности, маргинализация человека; 4) нивелирование специфики национальных государств и локальных культур в условиях глобализации; 5) распространение массовой культуры; 6) кризис человеческой субъективности и виртуализация человеческого «я» как результат прогресса технологий; планетарный экологический кризис [6, с. 8]. Указанные признаки, как можем видеть, отображают основные противоречия общественного развития нынешней эпохи, порождающих и обостряющих множество отрицательных социальных явлений, в частности девиантное поведение и крайнюю его форму – насильственную преступность.

Итак, при анализе социальных факторов детерминации насильственной преступности следует исходить из обозначенного системного понимания общества, а также так называемого «сферного» подхода [7] при анализе указанных выше подсистем общества, акцентируя внимание на таких сферах, как: 1) политическая (сфера государственного и общественного управления); 2) социально-экономическая (экономическая, т.е. материально-производственная сфера и социальные общности, группы и институты); 3) духовная (идеология, религия, образование и воспитание, наука, искусство). При этом в контексте детерминации насильственной преступности мы сосредоточим внимание на наиболее криминогенно значимых проблемах жизнедеятельности современного общества, переживающего кризисный, транзитивный этап своего развития.

Политическая сфера. Огромная роль политических факторов обуславливается тем, что в детерминационной цепи преступности именно политические интересы и конфликты (отношения) нередко определяют и экономические, и социальные отношения, при этом их отрицательные стороны, влияющие на преступность, в ряде случаев являются первичными [8, с. 66].

В транзитивный период в любом обществе происходит интенсивная криминализация всех общественных отношений в политической, экономической, социальной, духовной сферах жизнедеятельности [9, с. 73-81]. Источниками данной проблемы являются просчеты в управлении, его неэффективность, преимущество групповых, клановых, корпоративных интересов над национальными.

Характерной особенностью политической сферы большинства государств, к сожалению, является связь в подавляющем большинстве случаев политических интересов с борьбой за власть, в процессе которой в выборе средств политические антиподы не церемонятся [8, с. 64]. Политическое противостояние в обществе влияет как на уровень социального напряжения в обществе в целом, так и непосредственно на криминогенную ситуацию в нем.

Результатом продолжительных политических противоречий стало затягивание на долгие года решения важнейших для реформирования и нормального функционирования общества проблем. Сегодня мы можем наблюдать неполноту и несовер-

шенство правовой регламентации деятельности многих органов государственной власти, несогласование их функций и соподчиненности. Несовершенство законодательных актов, их неполнота, неясность, а временами и противоречивость, провоцируют формирование у всех слоев населения правового нигилизма, нередко приобретающего форму установки у чиновников и разного рода управленцев на произвольное толкование закона и других нормативных актов, а у рядового гражданина – на исполнение закона и распоряжений названных лиц по собственному желанию и усмотрению.

Безусловно дефекты политической сферы современного общества порождают кризисные явления и заостряют влияние отрицательных факторов в социально-экономической и духовной сферах. Однако наибольший криминогенный потенциал с точки зрения детерминации насильственной преступности кроется в таком следствии несовершенства Закона и его поддержки со стороны государства в лице законодотворцев, чиновников и управленцев, как правовой нигилизм.

Построение правового государства требует достаточного уровня правовой культуры тех, кому народом делегировано право его строить. Сегодня, к сожалению, непосредственно в политической сфере (в широком понимании) остается высоким уровень протекционизма, интриг, а временами – и неприкрытого попрания законов, не говоря уже о масштабах и системности коррупции [10, с. 161-164].

В политической жизни чаще всего общие для всех законы теряют свою силу в том случае, когда речь заходит об интересах господствующей элиты. Действует двойная мораль и двойное право: для управляющих – «своих» и управляемых – «чужих». А, как известно, законность и правопорядок зависят в значительной степени от того, как сами руководители выполняют требования законов; если руководитель на словах призывает соблюдать законность, а сам в своей деятельности ее нарушает, эффект его указаний будет иметь обратную силу [11, с. 206]. Любая вольность толкования «буквы и духа» закона и субъективная целесообразность его применения должна отождествляться с нелегитимностью принимаемого решения. К сожалению, в законодательстве существует множество норм, позволяющих их свободное толкование, следствием чего становится возможным нарушение прав и интересов человека, общества и государства.

На индивидуальном уровне соответствующее отношение к Закону со стороны носителей государственной власти приводит к нивелированию как правовых норм, так и легитимности самой власти. Именно в кризисном социуме приобретает распространение феномен правового нигилизма, непосредственно связанный с феноменом преступного насилия.

В современном кризисном социуме правовой нигилизм приобрел ощутимые масштабы и распространился от повседневной, бытовой сферы к деятельности органов власти. Истоки этого явления выходят из кризиса современного общества, которое теряет такие универсальные фундаментальные составные правосознания, как свобода, совесть, солидарность, патриотизм, справедливость, ответственность, обязанность – принципы, которыми должен руководствоваться человек, определяя свою причастность к обществу и государству.

Правовой нигилизм современного человека выражается в отрицании права как социального института, системы правил поведения, которая может успешно регулировать взаимоотношения людей. Известно, что существуют две основные формы

правового нигилизма: теоретическая и практическая. К теоретической принадлежат концепции отдельных мыслителей, социологов, юристов, отдельных индивидов, целых идеологических течений и доктрин, в которых постулируется критическое или равнодушное отношение к праву, явная недооценка его роли и значения в жизни общества. Ко второй относятся непосредственно факты нарушения прав человека, законов и других нормативно-правовых актов, несоблюдение и невыполнение юридических распоряжений, издание противоречивых правовых актов, подмена законности целесообразностью и т.п. Наиболее ярко и болезненно с точки зрения ценности человеческой жизни и свободы правовой нигилизм выражается именно в актах преступного насилия.

В таких условиях происходит эскалация криминального насилия во все сферы жизнедеятельности общества, все больше людей берут на «вооружение» насилие как типичное универсальное средство удовлетворения нужд, достижение жизненных целей и решение внутриличностных и межличностных конфликтов.

Социально-экономическая сфера. Одной из основных характеристик современной переходной эпохи является социально-экономическая нестабильность. Именно экономическая нестабильность приводит к бедности, безработице, отсутствию условий для самореализации личности, социальной стратификации населения и конфронтации между разными его группами [12, с. 277]. В обществе накапливаются и обостряются такие проблемы, как безработица, миграция населения (а вместе с ней – и ксенофобия), рост количества обездоленных и беспризорных, алкоголизм, наркомания и т.п.

Экономические факторы – одна из основных причин обострения криминогенной обстановки, поскольку системный кризис, поразивший все постсоветское пространство с начала 1990-х гг. (разбалансированность экономики, инфляция, безработица, падение жизненного уровня населения и т.п.), и его, прежде всего, экономические последствия из-за значительной деформации социально-экономических отношений и стихийной стратификации общества привели к тяжелым последствиям для государства и большинства граждан, создав благоприятную среду для противоправного поведения.

Кроме общих проблем экономического характера необходимо отметить недифференцированность и несоответствие труду его оплаты. Еще Аристотель указывал, что «борьба и жалобы в суд случаются каждый раз, когда неравные части имеют и получают равные люди или, наоборот, неравные люди – равные части» [13, с. 151]. В свое время Д. Дидро отмечал, что «если в государстве материальные блага распределены справедливо, то народ такой страны добродетелен и не предрасположен к преступлениям» [14, с. 592].

Рассматривая экономические факторы детерминации преступности, следует одновременно учитывать, что между экономикой и преступностью нет полных и прямых корреляций [15, с. 15]. Суть социально-экономических детерминант насильственной преступности заключается в специфике их влияния. Социально-экономические факторы являются основной причиной высокого, а временами критического уровня социального напряжения на уровне социума, а также тревожности и отчужденности на индивидуальном уровне. Постоянная тревожность и отчуждение порождают ощущение отсутствия безопасности, нестабильности существова-

ния, страха, беспокойства, неуверенности и, как следствие, агрессию и ее крайнее проявление – насилие – как наиболее доступный защитный инструментарий.

Кроме того, детерминируемые воздействием социально-экономических факторов тревожность и отчужденность, порождают различного рода социальные девиации (алкоголизм, наркоманию, суицидальность и пр.), несущее деструктивные последствия не только для самих девиантов, но и для лиц, их окружающих, которые часто становятся жертвами их агрессии и откровенного насилия.

Таким образом, социально-экономические факторы не только порождают наиболее тяжелые формы социальных девиаций (алкоголизм, наркоманию, суицидальность и пр.), влияют на маргинализацию населения, их мощный криминогенный потенциал кроется в критическом влиянии на уровень социальной напряженности в обществе.

Духовная сфера. К сожалению, характерной особенностью современного общества сегодня является низкий уровень духовности и культуры населения. Криминогенный потенциал дефектов духовной сферы большинства современных обществ связан, прежде всего, с отсутствием единой конструктивной государственной идеологии при господстве культа потребления, насилия и жестокости.

Благодаря воздействию неолибералистической идеологии, утвердившейся в западном мире на протяжении двух последних столетий, главными ценностями общественной жизни стали обновление, рост, прогресс. Они всего за пару столетий изменили характер взаимоотношений между людьми, между личностью и социумом. Навязанная западным миром глобалистическая идеология ориентирована на нивелирование ценностей локальных культур, что содействует обезличиванию и унификации, вплоть до вырождения таких культур в этнографическую массу – население. Такое навязывание чуждых социокультурных моделей представителям автохтонных, самозамкнутых культурных групп порождает культурное насилие, связанное с борьбой за собственную идентичность. Признаком эпохи глубоких культурных трансформаций является кардинальное изменение как духовно-психологического расположения духа социума в целом, так и самого содержания внутренней жизни каждого человека. Возрастает моральный релятивизм, который, как известно, легко перерождается в принцип «все разрешено». Складывается и развивается мощнейшая индустрия технологий из наращивания экзотических, даже извращенных нужд и превращения их в главный мотив поведения и ценностных ориентаций. Господство подобных потребительских устремлений в жизненной динамике современной цивилизации не может не вызывать тревоги [16, с. 48-50].

Наибольшее влияние на проявления насильственного поведения, безусловно, имеют процессы трансформации ценностного сознания, коснувшиеся, прежде всего, социальной сферы. Одной из наиболее животрепещущих проблем, что непосредственно влияет на психологическое состояние людей, их повседневную жизнь, является кризис института семьи.

Разрушение традиционных семейных устоев приводит, как справедливо отмечает Е.Б. Ильянович, к тому, что отношения почитания, уважения старших вытеснены из современной жизни и заменены активным противостоянием молодежи авторитету взрослых, педагогов. Потребительское отношение к жизни, связанное с культом материального благополучия, жизненного успеха, профессионального и социального роста привели к катастрофическому падению престижа материнства и отцовства.

Изменилось отношение к феномену брака как к священному, неразрывному, основанному на верности союзу; потеря самими родителями традиционных моральных ориентиров препятствует духовному воспитанию детей; нарушены родовые и семейные связи между поколениями. В итоге, традиционное понимание семейного воспитания, связанное с культивированием чувства ответственности перед семьей, обществом, нацией, государством и т.п., трансформировалось до неузнаваемости [17, с. 29-38]. Также очень остро стоит проблема преемственности поколений, так как механизм передачи социального опыта от старших поколений к младшим нарушен.

Практически полное отсутствие сегодня в государстве системы планирования семьи и отсутствие контроля за этим процессом со стороны государства приводит к прогрессирующему увеличению неблагополучных семей. Без надлежащего правового регулирования и государственного контроля даже такой социальный институт, как финансовая помощь матерям при рождении ребенка, стимулирует использование репродуктивной функции в корыстных целях. Следствием этого является массовое оставление в детских домах ненужных после получения средств, запущенных, больших или искалеченных детей.

Неправильное родительское воспитание ООН относит к числу основных причин, порождающих преступность. Эмоциональное отчуждение со стороны родителей выталкивает ребенка на улицу, где, враждебный к окружающему миру, ребенок старается любым путем реализоваться, самоутвердиться в неформальных группах ровесников, нередко проявляя при этом исключительную жестокость. Семейное же насилие, прежде всего, насилие по отношению к детям со стороны родителей, как известно, является одним из основных факторов детерминации насильственной преступности, обуславливающих «преемственность» и цикличность насилия в обществе [18, с. 138-139].

Особую опасность скрывает в себе тот факт, что в условиях идеологического вакуума и культурного обнищания человека происходит активное манипулирование его сознанием, побочным эффектом или же прямым результатом чего являются проявления преступного насильственного поведения. А само развитие технологий манипуляции сознанием конституирует насильственное поведение человека. Транслируя информацию, СМИ, СМК не видят ни семантических, ни этических, ни любых других препятствий, а передаваемая ими информация становится не просто избыточной, а начинает выступать в качестве средства манипуляции человеческим сознанием. Официальные СМИ в стремлении к высоким рейтингам перенасыщены информацией об угрозах миру и безопасности граждан, терроризма, экологических, техногенных и других катастроф, разного рода экстремальных событий – голода, войны и т.п. Коммерческие СМИ в погоне за прибылью питают культ потребления человеческими «жертвами», навязывая аудитории в темпе социальных соревнований жесткую потребность в вещах, реально не имеющих ни единой ценности для человека. Отсутствие обратной связи с источником отрицательной информации и возможности влиять, контролировать его нередко приводит к психологическому «вымещению» отрицательного агрессивно-деструктивного потенциала, который накопился в человеке, на окружающих. Отсюда массовое совершение, особенно молодежью, на первый взгляд ничем не мотивированных, бессмысленных преступлений: от насильственного овладения имуществом (которым преступник и не соби-

рался пользоваться), уничтожения или повреждения имущества до убийства из зависти, подсознательной «мести» за зажиточность или «элитарность» другого человека. А акцентировать внимание на криминогенном влиянии сети Интернет, крайне перенасыщенной порнографией и пропагандирующей культ насилия и жестокости продукцией, стимулируя при этом потребителей к обмену информацией и получению и повышению собственного «статуса» потребителя, вообще не имеет смысла [16, с. 48-50].

Таким образом, при исследовании социальных факторов детерминации насильственной преступности методологически верным является обращение, наряду с системным подходом и другим методологическим инструментарием, к концепции антропологического кризиса, а также к сферному подходу, акцентируя внимание на политической, социально-экономической и духовной сферах (подсистемах) общества, переживающего, в контексте сегодняшних реалий, кризисный, транзитивный этап развития.

Дефекты политической сферы (конфликты, противостояние и пр.) общества нередко определяют и экономические, и социальные отношения, порождают кризисные явления и катализируют влияние отрицательных факторов в социально-экономической и духовной сферах. Наибольший криминогенный потенциал кроется в таком следствии несовершенства Закона и его поддержки со стороны государства в лице законотворцев, чиновников и управленцев, как правовой нигилизм, непосредственно связанный в кризисном социуме как с попранием закона, протекционизмом, коррупцией, так и с феноменом преступного насилия. Социально-экономические факторы не только порождают наиболее тяжелые формы социальных девиаций (алкоголизм, наркоманию, суицидальность и пр.), влияют на маргинализацию населения, их криминогенность проявляется в критическом влиянии на уровень социальной напряженности в обществе. Дефекты же духовной сферы общества, обусловленные процветанием культов потребления, насилия и жестокости на фоне слабой государственной идеологии, обуславливают процессы трансформации ценностного сознания, следствием чего являются кризис института семьи, развитие технологий манипуляции сознанием, конституирующих насильственное поведение человека.

Список литературы:

1. Давыдов А. А. К вопросу об определении понятия «общество» // СоцИс. – 2004. – № 2.
2. Игнатов А. Н., Ильянович Е. Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 129-133.
3. Ильянович Е. Б. Основные признаки антропологического кризиса современности // Ученые записки ТНУ Серия: Философия. – 2006. – Т. 19 (58). – №2. – С. 133-141.
4. Ильянович Е. Б. Антропологический кризис в контексте современной техногенной цивилизации // Ученые записки ТНУ Серия: Философия. – 2008. – Т. 21 (60). – № 4. – С. 278-282.
5. Лазарев Ф. В. Ноосферно-антропологический манифест. – Симферополь : КНЦ, 2008. – 22 с.
6. Ильянович К. Б. Антропологическая кризис в условиях современной техногенной цивилизации: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Симферополь, 2008.
7. Барулин В. С. Социальная философия : учебник. Изд. 2-е. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 560 с.
8. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Причины преступности в России. Криминологический анализ. – М.: Норма, 2006. – 112 с.
9. Игнатов А. Н., Кашкаров А. А., Заброда Д. Г. Факторы криминализации экономики Крыма в транзитивный период // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 4. – С. 73-81.

10. Игнатов А. Н., Кашкаров А. А. Коррупция в органах публичной власти как системное явление // В сборнике: Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы Российская криминологическая ассоциация. – 2015. – С. 161-164.
11. Давыденко Л. М., Бандурка А. М. Противодействие преступности: теория, практика, проблемы : монография. – Х.: Изд-во ун-та внутр. дел, 2005. – 302 с.
12. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. – М.: Логос, 2004. – 448 с.
13. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / общ. ред. А. И. Доватура; АН СССР, Ин-т филос. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – 830 с.
14. Дидро Д. Сочинения; в 2 т.; пер. с франц.; сост., ред. В.Н. Кузнецова. – М.: Мысль, 1986. Т. 1. – 592 с.
15. Лунеев В. В. Рыночная экономика и экономическая преступность в России // Экономическая преступность / под ред. В. В. Лунеева, В. И. Борисова. – М.: Юрист, 2002.
16. Игнатов А. Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3 (41). – С. 48-50.
17. Ильяхнович Е. Б. Фундаментальные ценности техногенного цивилизационного развития // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2009. – Т. 22. № 1 (61). – С. 29-38.
18. Уоллер И. Латентная преступность и вопросы предупреждения преступности и раскрытия преступлений: международные разработки // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сб. материалов междунар. семинара. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1993. – С. 138-139.

Ignatov A. N., Hun A. Z. Social factors of determination of violent crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 327-335.

In the article, on the basis of the system and sphere approaches, the concept of the anthropological crisis, the social factors of the determination of violent crime are studied, taking into account the current state of such areas (subsystems) of society as: 1) political (state and public administration); 2) socio-economic (economic, ie, material and production sphere and social communities, groups and institutions); 3) spiritual (ideology, religion, education and upbringing, science, art). The most criminally significant problems and defects of the political, socio-economic and spiritual spheres of life of modern society that are experiencing a crisis, transitive stage of development and their role in the determination of violent crime are revealed. It has been established that socio-economic factors give rise to the most severe forms of social deviations, affect the marginalization of the population, critically affect the level of social tension in society; defects in the spiritual sphere of society, caused by the prosperity of the cults of consumption, violence and cruelty against the background of weak state ideology, cause the processes of transformation of value consciousness, resulting in a crisis of the institution of the family, development of technologies for manipulating consciousness, constituting the violent behavior of a person; defects in the political sphere (legal nihilism, protectionism, corruption, etc.) give rise to crisis phenomena and catalyze the influence of negative factors in the socio-economic and spiritual spheres.

Keywords: violent, violent crime, determination, system, society, transitive period, social factors, politics, economics, spiritual sphere.

Spisok literatury:

1. Davydov A. A. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «obshchestvo» // SocIs. – 2004. – № 2.
2. Ignatov A. N., Il'yanovich E. B. Metodologicheskie osnovy issledovaniya prestupnosti // Obshchestvo i pravo. – 2015. – № 2 (52). – S. 129-133.
3. Il'yanovich E. B. Osnovnye priznaki antropologicheskogo krizisa sovremenosti // Uchenye zapiski TNU Seriya: Filosofiya. – 2006. – Т. 19 (58). – №2. – S. 133-141.
4. Il'yanovich E. B. Antropologicheskij krizis v kontekste sovremennoj tekhnogennoj civilizacii // Uchenye zapiski TNU Seriya: Filosofiya. – 2008. – Т. 21 (60). – № 4. – S. 278-282.
5. Lazarev F. V. Noosferno-antropologicheskij manifest. – Simferopol' : KNC, 2008. – 22 s.
6. Il'yanovich K. B. Antropologicheskaya krizis v usloviyah sovremennoj tekhnogennoj civilizacii: Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Simferopol', 2008.
7. Barulin V. S. Social'naya filosofiya : uchebnik. Izd. 2-e. – М.: FAIR-PRESS, 2000. – 560 s.
8. Kudryavcev V. N., EHminov V. E. Prichiny prestupnosti v Rossii. Kriminologicheskij analiz. – М.: Norma, 2006. – 112 s.
9. Ignatov A. N., Kashkarov A. A., Zabroda D. G. Faktory kriminalizacii ehkonomiki Kryma v tranzitivnyj period // Vestnik ehkonomicheskoy bezopasnosti. – 2017. – № 4. – S. 73-81.

10. Ignatov A. N., Kashkarov A. A. Korrupciya v organah publichnoj vlasti kak sistemnoe yavlenie // V sbornike: Korrupciya: sostoyanie protivodejstviya i napravleniya optimizacii bor'by Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya. – 2015. – S. 161-164.
11. Davydenko L. M., Bandurka A. M. Protivodejstvie prestupnosti: teoriya, praktika, problemy : monografiya. – H.: Izd-vo un-ta vnutr. del, 2005. – 302 s.
12. Antonyan YU. M. Kriminologiya. Izbrannye lekicii. – M.: Logos, 2004. – 448 s.
13. Aristotel'. Sochineniya: v 4-h t. / obshch. red. A. I. Dovatura; AN SSSR, In-t filos. – M.: Mysl', 1984. – T. 4. – 830 s.
14. Didro D. Sochineniya; v 2 t.; per. s franc.; sost., red. V.N. Kuznecova. – M.: Mysl', 1986. T. 1. – 592 s.
15. Luneev V. V. Rynochnaya ehkonomika i ehkonomicheskaya prestupnost' v Rossii // EHkonomicheskaya prestupnost' / pod red. V. V. Luneeva, V. I. Borisova. – M.: YUrist", 2002.
16. Ignatov A. N. Krizis duhovnoj sfery kak faktor determinacii ehkstremizma, terrorizma i kriminal'nogo nasiliya v celom // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 3 (41). – S. 48-50.
17. Il'yanovich E. B. Fundamental'nye cennosti tekhnogennogo civilizacionnogo razvitiya // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. – 2009. – T. 22. № 1 (61). – S. 29-38.
18. Uoller I. Latentnaya prestupnost' i voprosy preduprezhdeniya prestupnosti i raskrytiya prestuplenij: mezhdunarodnye razrabotki // Latentnaya prestupnost': poznanie, politika, strategiya: sb. materialov mezhdunar. seminar. – M.: VNII MVD RF, 1993. – S. 138-139.